

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Шокур А.В. Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну //

Юридические исследования. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75586 EDN: YLPIEJ URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75586

Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну

Шокур Андрей Владимирович

старший преподаватель; высшая школа публичного права; Тихоокеанский государственный университет

680042, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 140

✉ 2020104885@togudv.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.9.75586

EDN:

YLPIEJ

Дата направления статьи в редакцию:

20-08-2025

Дата публикации:

06-09-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию актуальной проблемы дифференциации уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну в современном российском уголовном праве. Автор акцентирует внимание на необходимости комплексного подхода к обеспечению надлежащей правовой охраны указанной сферы правоотношений, подчеркивая значимость различия между сбором и распространением конфиденциальной информации. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в сфере охраны личной и семейной тайны, а также уголовно-правовые механизмы, обеспечивающие защиту данных отношений. Предметом исследования являются юридические конструкции и правовые институты, регулирующие дифференциацию уголовной ответственности за указанные правонарушения. Цель исследования заключается в разработке научно-обоснованных

предложений по совершенствованию механизма дифференциации уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну, учитывая современные тенденции и усиление угрозы вторжения в частную сферу граждан. Особое внимание уделено изучению международного опыта и судебной практики высших судебных инстанций России. Автором выявлены недостатки действующего законодательства, касающиеся недостаточной дифференциации ответственности за сбор и распространение личной и семейной тайны. Предложены рекомендации по повышению эффективности правовой охраны конфиденциальности, включающие введение дополнительной ответственности за нарушение персональной информации, касающихся разных видов тайн, а также ужесточение санкций за отдельные случаи разглашения. Методологическая основа исследования включает использование формально-логических приемов анализа и синтеза, классификацию и ограничение понятий, сравнительное правоведение, историко-правовой и сравнительно-правовой методы. Научная новизна работы состоит в детальном анализе ныне существующих подходов к дифференциации уголовной ответственности, а также систематизации зарубежных практик и выработке конкретных рекомендаций по реформированию отечественного законодательства, ориентирующихся на повышение уровня защищенности личной и семейной тайны в условиях современных технологий и социальных изменений. В отличие от существующих подходов, рассматривающих личную и семейную тайну как единый или смежный объект, в исследовании обосновывается их дифференциация. Личная тайна позиционируется как ядро конституционного права на неприкосновенность частной жизни индивида, в то время как семейная тайна трактуется как доверительная информация, возникающая в рамках особой социальной общности – семьи, и защищаемая в интересах всех ее членов.

Ключевые слова:

дифференциация, уголовная ответственность, преступление, состав преступления, личная тайна, семейная тайна, персональные данные, уголовное законодательство, санкции, наказание

Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну в современном российском уголовном праве приобретает особую остроту в условиях цифровизации общества и государства, роста числа нарушений конфиденциальности, что требует глубокого анализа существующих подходов и выработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию законодательства. Актуальность уголовно-правовых исследований в данной области обусловлена рядом обстоятельств, среди которых особое значение приобретают следующие.

Во-первых, рост угроз произвольного вторжения в частную жизнь. Современные технологии позволяют легко собирать и распространять личные данные, что повышает риск нарушения конфиденциальности и усиливает необходимость эффективной правовой защиты. Во-вторых, действующее уголовное законодательство недостаточно четко разграничивает ответственность за сбор и распространение конфиденциальной информации, составляющей личную и семейную тайну гражданина, что создает пробелы в правовом регулировании. В-третьих, анализ зарубежного законодательства показывает успешные примеры дифференциации ответственности, которые могут быть имплементированы в российскую правовую систему. В-четвертых, повышенная

социальная значимость семьи и межличностных отношений (особенно в контексте конституционного принципа социальной солидарности): личная и семейная тайна играет важную роль в поддержании стабильности семейных и межличностных отношений, и её защита требует особого внимания со стороны закона. Наконец, в настоящее время существуют сложности в определении состава преступления и назначении адекватного наказания, что также требует разработки четких критериев и механизмов дифференциации уголовной ответственности. Таким образом, возникает потребность в исследовании, которое направлено на разработку научно обоснованных предложений по совершенствованию механизма дифференциации уголовной ответственности, что делает его актуальным и значимым для современной правовой науки и практики.

Общим вопросам дифференциации уголовной ответственности в отечественной юридической науке посвящены работы М. В. Арзамасцева, В. К. Дуюнова, С. В. Кондратюк, В. Н. Кудрявцева, Т. А. Лесниевски-Костаревой, Е. В. Роговой, Ю. А. Тимошенко, А. В. Шеслера и других исследователей. При этом специальные исследования, относящиеся к вопросам дифференциации уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну, проводились, в частности, такими авторами, как: А. Р. Акиев, И. И. Бунова, В. Н. Воронин, И. Р. Диваева, Ю. В. Николаева, Т. Н. Нуркаева, О. А. Пальчиковская.

Признавая достоинства и вклад проведенных исследований названных и других авторов в юридическую науку, стоит отметить, что многие из их научных работ выполнены в иных социально-экономических условиях, не учитывающих по объективным причинам масштабов современных тенденций и процессов масштабной цифровизации общества и государства, насущных требований обеспечения повышенной защищенности частных аспектов жизни индивидов и их коллективов. Кроме того, не все имеющиеся исследования в области уголовно-правовой охраны частной жизни, личной и семейной тайны опирались на действующее правовое регулирование, учитывали его стремительное развитие и возникающие в связи с этим проблемы правовой регламентации и правоприменения. Сказанное, как представляется, обуславливает необходимость в проведении дополнительных исследований по вопросам дифференциации уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну.

Стоит отметить, что настоящее исследование предлагает методологические основы дифференциации уголовной ответственности, включающие помимо прочего формально-логические приемы анализа и синтеза, классификацию, ограничение понятий и использование международно-правового опыта (элементы компаративного анализа). Так, автор использует приемы формальной логики в целях ограничения понятия «дифференциация» в контексте правовой теории и юридической практики, а также обоснования избранного законодателем способа юридико-технического оформления структурных элементов уголовно-правовых норм. Кроме того, проведено деление по видам уголовно-правовой дифференциации. При этом использование элементов метода сравнительного правоведения позволило сделать вывод о целесообразности заимствования подходов, сформированных в уголовно-правовом регулировании некоторых стран СНГ, в условиях российского правового порядка.

Дифференциация обычно определяется через категории: «разделение», «расчленение», «расслоение», - что в латинизированной версии означает «различение» или «разделение с целью установления отличий, распознавание частей» [\[9, 99\]](#). Однако для более полного уяснения феномена дифференциации необходимо, на наш взгляд,

установить коррелирующие дифференциации простейшие логические приемы (операции), которые продемонстрируют «архитектуру различения» юридического материала, с которым предстоит далее работать.

Так, при обращении к исследованиям, посвященным вопросам дифференциации уголовной ответственности [\[1, 3, 12, 14, 15\]](#), можно отметить, что в ее основе лежат формально-логические приемы ограничения и деления понятий (в том числе классификация), а также сечение (расчленение) целого на части. Примечательно, что деление и расчленение противопоставлены с точки зрения логики [\[6, 46; 54-58.\]](#), поскольку понятия способны делиться до известного предела, тогда как их сечение недопустимо (это логическая ошибка), разбить целое на части можно в физическом смысле либо построить мыслительную модель сечения объекта материального мира. В то же время законодатель в действующем УК РФ лишь на первоначальном этапе дифференциации уголовной ответственности пользуется правилами ограничения и классификации, оперируя родо-видовыми категориями, например, «принуждение», «ответственность», а затем сообразно правилам юридической техники группирует нормативный материал через отношения «часть-целое», что продиктовано объективными закономерностями и спецификой охраняемых уголовным законодательством общественных отношений: преступление и его состав, санкция и наказание, общий и специальный (привилегированный, квалифицированный и особо квалифицированный) составы преступления невозможно представить в рамках родо-видовых логических связей посредством осуществления соответствующих логических приемов, что соответствует замыслу пандектной системы построения кодифицированного уголовного законодательства. Таким образом, ведя речь о дифференциации уголовной ответственности, следует иметь в виду, что ее основой будет именно отношение части и целого, например: институт уголовного законодательства – группа обособленных уголовно-правовых норм, конкретная норма в рамках статьи УК РФ.

Данная логика дифференциации уголовной ответственности с рядом теоретических уточнений положена в основу данного исследования. Но для начала необходимо установить сущность дифференциации уголовной ответственности вообще, а затем перейти к ее изучению относительно уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну.

Так, по мнению В.К. Дуюнова и С.В. Кондратюк, сущность дифференциации в уголовном законодательстве «заключается в нормативном обеспечении справедливой реакции государства на совершаемые преступления путем установления в законодательстве необходимых и достаточных условий, средств и возможностей для соразмерного содеянному уголовно-правового воздействия на разные категории правонарушителей» [\[4, 202\]](#). Иными словами, дифференциация уголовной ответственности представляет собой не что иное как последовательную реализацию законодателем принципа справедливости. При этом идею дифференциации уголовной ответственности как средства законодательной оценки общественной опасности преступлений обстоятельно и аргументированно отстаивает А.В. Шеслер, утверждая, что в отличие от правоприменительной деятельности, которой присуща индивидуализация ответственности на основе оценочных норм уголовного законодательства, дифференциация суть процесс и результат законодательной работы и реализации соответствующего метода уголовно-правовой политики [\[16, 127\]](#).

На справедливость вышеназванных позиций указывают не только законопроектная и законодательная деятельность, направленная на реализацию соответствующих программ

и концепций, но и результаты ранее проведенных исследований, посвященных моделям криминализации противоправных деяний [\[7, 5-6\]](#).

Иначе говоря, «идея дифференциации ответственности, таким образом, с содержательной стороны представляет собой принцип (основополагающую идею, руководящее начало) уголовно-правовой политики, который в уголовном законодательстве получает свое выражение в качестве одного из требований принципа справедливости. Так, согласно ч. 1 ст. 6 УК РФ, «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Как с точки зрения содержательной, так и с позиций юридической техники, представляя собой прием построения законодательства, она выражается в требовании: 1) законодательного обеспечения (наличия достаточно полного, полноценного) комплекса необходимых инструментов, которыми мог бы руководствоваться правоприменительный орган для определения справедливой меры уголовно-правового воздействия; 2) соответствующей (оптимальной) законодательной дифференциации указанных инструментов, их надлежащего урегулирования и организации» [\[4, 211\]](#).

Стоит отметить, что дифференциацию уголовной ответственности высшие судебные инстанции также связывают с реализацией принципов справедливости и гуманизма.

В частности, выявляя конституционно-правовой смысл отдельных норм Особенной части Уголовного Кодекса РФ, Конституционный Суд РФ указал, что данные законоположения «призваны обеспечивать дифференциацию уголовной ответственности и назначение лицу справедливого наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, лишь за те общественно опасные действия и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина» (См. п. 24 Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй и третий кварталы 2019 года // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2019. № 11).

Кроме того, в Определении от 12.11.2020 № 2597-О Конституционный Суд РФ сформулировал следующую правовую позицию: «В соответствии со статьей 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации для осуществления задач Уголовного кодекса Российской Федерации законодатель устанавливает основные и дополнительные виды наказаний за совершение преступлений, что не выходит за рамки средств, которые могут быть использованы для достижения конституционно оправданных целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления его исправительного воздействия на осужденного, предупреждения новых преступлений и тем самым защиты личности, общества и государства от преступных посягательств... наказание и иные меры уголовно-правового характера должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного».

Иными словами, Конституционный Суд РФ, во-первых, дифференциацию уголовной ответственности считает проявлением принципа справедливости, во-вторых, связывает такую дифференциацию исключительно с деятельностью законодателя. Аналогичного подхода придерживается и Верховный Суд РФ, разграничивая дифференциацию ответственности и индивидуализацию исполнения наказания (См. п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. №

7).

Но рассмотрение дифференциации уголовной ответственности как проявления принципа справедливости (отчасти и принципа гуманизма) фактически относится к содержательному аспекту процесса (деятельности) по дифференциации. Формальная сторона дифференциации уголовной ответственности проявляется в использовании законодателем правил юридической техники при формулировании отдельных положений уголовного законодательства (преимущественно в рамках Особенной части УК РФ).

Согласно сложившейся в юридической науке позиции «юридическая техника представляет собой (имеется в виду правотворческая форма реализации юридической техники, а точнее – законотворческая) совокупность исторически сложившихся методов придания законодательным актам оптимальной языковой формы и логической структуры, достижения научной истинности их содержания» [\[2, 53; 11, 139\]](#). В таком случае дифференциацию уголовной ответственности можно рассматривать в качестве сложного метода (совокупности приемов, правил) юридико-технического оформления законодательных актов (в частности, когда речь идет об уголовном законе).

Вместе с тем дифференциация юридической ответственности имеет и более широкий смысл, позволяющий производить различие уголовной ответственности как в отношении иных видов социальной (и ее частного случая – юридической) ответственности, так и в рамках уголовного законодательства (на уровне обособления и специализации средств уголовно-правовой охраны тех или иных общественных отношений).

Данная последовательность суждений, образующих теоретическую модель дифференциации юридической ответственности, может быть использована для наиболее полного и убедительного представления дифференциации уголовной ответственности за посягательства на частную тайну.

Так, дифференциация ответственности за посягательства на личную и семейную тайну по общеправовому признаку предполагает отграничение юридической ответственности во всем ее многообразии от ответственности социальной (выступающей родовой категорией по отношению к юридической ответственности). Это, в первую очередь, означает определение границ юридического воздействия на лицо, нарушающее неприкосновенность частной жизни иного лица (лиц). Действительно, нарушитель, посягнувший на личную или семейную тайну, может быть подвергнут общественному порицанию, встретить сопротивление со стороны представителей общественности, отдельных индивидов, может быть исключен из различных межличностных отношений и коммуникаций и т.д., что характеризуется общим понятием социальной ответственности, а не юридической.

В свою очередь, юридическая ответственность за соответствующие противоправные деяния имеет место в условиях регламентации оснований и условий, порядка привлечения к юридической ответственности: необходимы правовые нормы, ставящие под охрану конкретные блага (личную и семейную тайну), механизм их реализации, наличие состава того или иного правонарушения – лишь тогда можно говорить о юридической ответственности в отличие от социальной.

В то же время не существует юридической ответственности как таковой, это обобщающая теоретическая категория, охватывающая множество конкретизированных деятельностей и отношений, связанных с реализацией принудительных мер: частно-правовых

(гражданско-правовая ответственность) и публично-правовых (административная, дисциплинарная и уголовная ответственность). При этом межотраслевая дифференциация юридической ответственности за противоправные посягательства на личную и семейную тайну демонстрирует комплексный характер мер правового принуждения, закрепленных в разноотраслевых кодифицированных правовых актах, например: ГК РФ, КоАП РФ, УК РФ. Межотраслевое основание для дифференциации юридической ответственности позволяет представить всю систему принудительных мер воздействия на правонарушителя в одном ряду для дальнейшей дифференциации по отраслевому признаку, обособив уголовно-правовую ответственность от административной, дисциплинарной и гражданско-правовой.

Наибольший интерес в целях настоящего исследования представляет дальнейшая дифференциация юридической ответственности за противоправные посягательства на личную и семейную тайну именно по отраслевому признаку и в рамках единственной отрасли уголовного права в зависимости от института уголовного законодательства, группы уголовно-правовых норм и в пределах конкретной уголовно-правовой нормы.

Так, целесообразно и обоснованно рассматривать дифференциацию уголовной ответственности за противоправное посягательство на личную и семейную тайну в рамках соотнесения регулятивных и охранительных институтов уголовного законодательства [\[5\]](#), установив в рамках второго из них необходимую и достаточную группу норм, посвященных охране неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны.

Российский законодатель обособил уголовно-правовые нормы, посвященные охране личной и семейной тайны (ст. 137, ст. 155 УК РФ), от иных норм, предусматривающих уголовную ответственность за противоправное посягательство на неприкосновенность частной жизни (ст.ст. 128.1, 138, 138.1, 139 УК РФ и др.). В основу такой дифференциации положено не только отличие в обеспечиваемых конституционных правах, но и в характере сведений, составляющих ту или иную тайну в зависимости от ее вида (ст.ст. 137, 138, 155 УК РФ), в зависимости от достоверности сообщаемой информации (ст. 128.1 и ст. 137 УК РФ), в зависимости от аспекта частной жизни (ст. 137, ст. 139 УК РФ), а также иные основания, которые в теории уголовного права связывают непосредственно с общественной опасностью противоправного деяния.

Например, по мнению Т.А. Лесниевски-Костаревой, «дифференциация как процесс, противоположный интеграции, характеризуется разделением, расслоением ответственности в законе в зависимости от типовой степени общественной опасности деяния и типовой степени опасности личности виновного» [\[8, 52\]](#). С данной позицией можно согласиться лишь отчасти, констатируя ее дискуссионный характер, в том числе неполноту, поскольку в основу дифференциации уголовной ответственности за посягательство на личную и семейную тайну положена не только общественная опасность деяния и лица его совершающего, но и иные критерии.

В частности, как следует из Особого мнения судьи К.В. Арановского к Постановлению Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П (Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 2): «общественная опасность - не единственное основание законодательных решений в области уголовного права. Кроме нее и форм вины могут и должны быть, вероятно, учтены, например, особенности объективной стороны преступления, ожидаемые эффекты уголовной репрессии, включая общую и частную превенцию, попутные социальные, экономические, политические риски и еще многое - по законодательному усмотрению. Учесть можно и практику, репутацию уголовной

репрессии, и то, как ее средствами распоряжаются субъекты, обладающие правом уголовного преследования».

С учетом сказанного представляется верным обратить внимание на необходимость дифференциации уголовной ответственности (и наказаний) за деяния, посягающие на личную и семейную тайну, в следующих случаях:

1) в реалиях современного российского правового порядка должна быть установлена ответственность не только за незаконное собирание или распространение сведений, составляющих личную или семейную тайну гражданина, но и за собирание или распространение персональных данных, когда такие действия повлекли причинение существенного вреда. На данную необходимость указывается также некоторыми исследователями [\[10\]](#).

При этом для реализации дифференцированного подхода к уголовно-правовой охране как личной и семейной тайны, так и персональных данных может быть использован законодательный опыт Республики Казахстан и Грузии, в уголовных кодексах которых (соответственно ст.147 УК Казахстана и ст. 157 УК Грузии) нашли отражения нормы об уголовно-правовой охране персональных данных. Также может быть заимствован и опыт Кыргызской Республики, по ч. 1 ст. 186 УК которой уголовной ответственности подлежат лица, которые незаконно собирают, хранят, используют и распространяют конфиденциальную информацию о частной жизни человека без его согласия. Стоит отметить, что на плодотворность подобного подхода, связанного с заимствованием положительного опыта других правовых порядков, в том числе в связи с юридической защитой неприкосновенности частной жизни, указывали как отечественные, так и зарубежные исследователи [\[17;18\]](#).

Необходимость в данном подходе вызвана возросшим числом случаев несанкционированного вторжения в частную жизнь граждан в условиях цифровизации российского общества и государства, повышенной общественной опасностью деяний, связанных с незаконным получением разнообразных сведений о различных аспектах частной жизни граждан (не всегда относящихся к личной или семейной тайне), потребностью в действенном обеспечении законодательства о персональных данных и рядом других значимых обстоятельств.

2) дифференцированный подход, как представляется, должен быть реализован и при обеспечении уголовно-правовой охраны личной и семейной тайны отдельно от собирания соответствующих сведений о частной жизни граждан и от распространения таких сведений. Иными словами, российским законодателем в ч. 1 ст. 137 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность как за собирание, так и за распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. Вместе с тем распространение сведений о личной или семейной тайне является более общественно опасным деянием, нежели просто собирание указанных сведений без намерения их дальнейшего распространения, в связи с чем ответственность (соответственно наказание) за распространение в данном контексте должна быть строже, чем за собирание сведений, составляющих личную или семейную тайну лица.

Справедливость данного подхода подтверждает, например, сравнение норм ст. 137 УК РФ и ст. 183 УК РФ (незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну): во втором случае реализован

дифференцированный подход к уголовной ответственности как за незаконное собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, так и за незаконное распространение таких сведений. По ч. 2 ст. 183 УК РФ (за незаконные разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну) санкцией предусмотрены более строгие наказания, чем в санкции ч. 1 ст. 183 УК РФ (за собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну). Таким же образом возможно подойти к дифференциации ответственности за собирание / распространение сведений, составляющих личную или семейную тайну (ст. 137 УК РФ).

Если при этом обратиться к зарубежному опыту, то можно сказать, что подобный подход частично реализован в ст. 176 Уголовного кодекса Республики Молдова, где уголовная ответственность за собирание сведений о частной жизни граждан с использованием технических средств отграничена от распространения таких сведений с использованием технических средств.

3) в то же время дифференцированный подход к установлению уголовной ответственности может быть реализован в отношении ее разграничения в зависимости от вида тайны, то есть в идеале под самостоятельную правовую охрану ставится личная тайна отдельно от семейной, наказание за собирание или распространение сведений о которой должно быть строже, поскольку в случае посягательства на семейную тайну страдает не единственное лицо, а правовая и социокультурная общность лиц – семья. Типовой характер и степень общественной опасности в случае посягательства на семейную тайну значительно выше, чем при посягательстве на тайну личную. Действительно, разделение частной тайны на личную и семейную согласно действующему законодательству должно представлять не только теоретический интерес, но и учитываться при формулировании диспозиций и санкций уголовно-правовых норм, что соответствовало бы обоснованному, последовательному и исчерпывающему подходу у дифференциации уголовной ответственности за посягательство на личную / семейную тайну.

4) отдельного внимания заслуживает также дифференцированный подход к определению содержания (по виду и размеру наказаний) санкций уголовно-правовых норм, направленных на охрану личной и семейной тайны.

В частности, обоснованной является позиция Е.В. Роговой, В.С. Ишигеева, И.П. Парфиненко, согласно которой санкция должна обеспечивать принцип дифференциации уголовной ответственности [\[13, 718\]](#). Однако из сравнения санкций ч. 1 ст. 137 и ст. 155 УК РФ можно сделать вывод, что данный принцип не был учтен законодателем, который фактически трансформирует специальную норму об охране семейной тайны (тайны усыновления (удочерения), сведения о которой в данном случае нуждаются в усиленной защите, в привилегированную за счет установления менее строгих (в сравнении с предусмотренными ч. 1 ст. 137 УК РФ) наказаний, среди которых не нашло место даже лишение свободы.

Так, незаконное разглашение тайны усыновления (удочерения) предполагает возможность назначения следующих из наказаний: штраф в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительные работы на срок до одного года, либо арест на срок до четырех месяцев с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

В свою очередь за деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 137 УК РФ, могут назначаться следующие из перечисленных наказаний: штраф в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительные работы на срок до одного года, либо принудительные работы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо арест на срок до четырех месяцев, либо лишение свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

На практике возможна такая ситуация, что лицу, распространившему без согласия обладателя персональных данных сведения о его паспорте, будет назначено наказание в виде лишения свободы (в зависимости от учета всех обстоятельств дела), а лицу, разгласившему тайну усыновления (удочерения) будет назначен лишь штраф в пределах 80 000 рублей.

В связи со сказанным представляется верным реализовать принцип дифференциации уголовной ответственности при построении санкции ст. 155 УК РФ в качестве санкции специального квалифицированного (а не привилегированного) состава преступления по отношению к ч. 1 ст. 137 УК РФ, усилив ответственность (посредством изменения видов и размеров наказания) за деяния, направленные на разглашение тайны усыновления (удочерения).

Резюмируя сказанное, необходимо обратить внимание на важность последовательной и полной реализации принципа дифференциации уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну. При том такая дифференциация должна основываться не только на типовых характере и степени общественной опасности соответствующих деяний, но и учитывать различия в охраняемых сведениях, осуществляемых противоправных действиях, наступающих последствиях, предусмотренных санкциями уголовно-правовых норм наказаниях.

Таким образом, настоящее исследование направлено на развитие научно обоснованного подхода к формированию эффективных механизмов защиты частной жизни, личной и семейной тайны в условиях российского правопорядка на основе принципа и теоретико-прикладного концепта дифференциации уголовной ответственности. При этом значимыми результатами и выводами проведенного исследования являются: 1) необходимость введения дополнительной ответственности за нарушение персональных данных и формирования самостоятельных составов преступлений для разных видов охраняемых тайн; изменения санкций за отдельные случаи разглашения конфиденциальной информации, например, усиленная защита семейной тайны; 2) целесообразность заимствования международного опыта стран СНГ (Казахстан, Грузия, Кыргызстан), а именно конструкций специализированных норм для защиты персональных данных; 3) разница в общественном восприятии правонарушений против личного пространства и семейной тайны требует дифференцированного подхода к назначению уголовных наказаний, что с позиции уголовной политики должно найти отражение в действующем законодательстве; 4) рекомендованы структурированные изменения в тексте статей УК РФ (например, ст.ст. 137 и 155), которые обеспечивают адекватную защиту частной жизни, личной и семейной тайны. Представленные рекомендации могут способствовать укреплению доверия населения к правоохранительным органам и судам, повысить эффективность борьбы с нарушениями частной конфиденциальности (личной и семейной тайны).

Библиография

1. Арзамасцев М. В. Правила оценки признаков деяний, дифференцирующих административную и уголовную ответственность // Уголовное право. 2017. № 4. С. 12-20. EDN: ZHBIVR.
2. Брауде И. Л. Вопросы законодательной техники // Советское государство и право. 1957. № 8. С. 52-59.
3. Воронин В. Н. Качество уголовно-правовой охраны сведений, составляющих государственную тайну: проблемы конструирования норм и дифференциации уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7. С. 98-107. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.80.7.098-107. EDN: ZDLSPR.
4. Дуюнов В. К., Кондратюк С. В. О дифференциации ответственности в российском праве и в уголовном законодательстве: понятие, природа, статус и значение // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 11А. С. 201-214. DOI: 10.34670/AR.2020.91.11.026. EDN: YCJOWA.
5. Жук М. С. Классификация уголовно-правовых институтов // Общество и право. 2009. № 5. С. 168-176. EDN: ONLSTT.
6. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика: учебник для юридических вузов / под ред. проф. В. И. Кириллова. Изд. 6-е, перераб. и доп. М.: ТК Велби, Проспект, 2008. 235 с.
7. Кудрявцев В. Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 3-10.
8. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: НОРМА, 1998. 296 с.
9. Локшина С. М. Краткий словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1978. 311 с.
10. Нуркаева Т. Н., Диваева И. Р. Нарушение неприкосновенности частной жизни: вопросы толкования и совершенствования законодательства // Вестник ВЭГУ. 2015. № 1. С. 45-56. EDN: TIOLOD.
11. Орловская Н. А. Основания и принципы построения уголовно-правовых санкций: монография. Одесса: Юрид. лит., 2011. 622 с.
12. Рогова Е. В. Уголовно-политические основы дифференциации уголовной ответственности // Безопасность бизнеса. 2017. № 5. С. 53-58. EDN: ZGUDZZ.
13. Рогова Е. В., Ишигеев В. С., Парфиненко И. П. Влияние уголовно-правовых санкций на индивидуализацию наказания // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 710-720. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).710-720. EDN: XQTRKT.
14. Тимошенко Ю. А. Уголовный проступок: способ межотраслевого сближения или дифференциации уголовной ответственности? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 112-115. EDN: CJKGOT.
15. Хачак Б. Н. Международно-правовые основы дифференциации уголовной ответственности (отдельные аспекты проблемы) // Российская юстиция. 2018. № 3. С. 56-57. EDN: YQDYUY.
16. Шеслер А. В. Дифференциация и индивидуализация уголовного наказания как методы реализации уголовно-правовой политики // Вестник Кузбасского института. 2018. № 3. С. 123-128. EDN: YAALKX.
17. Goode S. The Right to Privacy. / S. Goode. N.Y., 1983. 149 p.
18. Smith, Rhona K.M. The Essentials of Human Rights / Rhona K.M. Smith, van der Anker. Hodder Arnold, 2005. 382 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну»

Объектом исследования выступает совокупность правоотношений, возникающих в связи с уголовной ответственностью за посягательства на личную и семейную тайну. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические воззрения по тематике статьи, правовая регламентация привлечения к уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну, а также правоприменительная практика в изучаемой сфере.

Среди методологического арсенала автора особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать приемы анализа и синтеза, классификацию, ограничение понятий, компаративный анализ. Приемы формальной логики эффективно используются «в целях ограничения понятия «дифференциация» в контексте правовой теории и юридической практики, а также обоснования избранного законодателем способа юридико-технического оформления структурных элементов уголовно-правовых норм».

Актуальность разработки заявленной темы представляется достаточной, поскольку проблема семьи и семейных ценностей уделяется значительное внимание как на федеральном, так и на региональных уровнях. Так, семья включена в круг традиционных российских духовно-нравственных ценностей согласно Указу Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», минувший 2024 год был объявлен в России годом семьи. Следует, на наш взгляд, солидаризироваться с автором, что актуальность исследуемой темы определяется также следующими моментами: во-первых, ростом угроз произвольного вторжения в частную жизнь в условиях цифровизации общества, во-вторых, «действующее уголовное законодательство недостаточно четко разграничивает ответственность за сбор и распространение конфиденциальной информации, составляющей личную и семейную тайну гражданина, что создает пробелы в правовом регулировании»; в-третьих, «анализ зарубежного законодательства показывает успешные примеры дифференциации ответственности, которые могут быть имплементированы в российскую правовую систему»; в-четвертых, следует учитывать повышенную социальную значимость семьи и межличностных отношений.

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одним из первых исследований, в котором дифференциация уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну исследуется с учетом современных социально-экономических и технических тенденций.

Статья характеризуется научным стилем изложения. Содержание в целом логично.

Библиография по оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода. Вместе с тем для межстранового исследования следовало бы использовать не только нормативно-правовые, но и научные зарубежные источники.

Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет определенный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в уголовно-правовых и сравнительно-правовых исследованиях. При условии определенной доработки в части дополнения источников она вполне может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам дифференциации уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну. Автором рассматриваются проблемы квалификации данного вида преступлений, раскрываются различные подходы ученых по заявленной проблематике, предлагаются меры по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения законодательства, мнения ученых, материалы правоприменительной практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом цель исследования может быть ясно понята, исходя из наименования и содержания статьи. Цель исследования может быть сформулирована в качестве разрешения отдельных проблемных вопросов, связанных с дифференциацией уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов судебной практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «согласно ч. 1 ст. 6 УК РФ, «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Как с точки зрения содержательной, так и с позиций юридической техники, представляя собой прием построения законодательства, она выражается в требовании: 1) законодательного обеспечения (наличия достаточно полного, полноценного) комплекса необходимых инструментов, которыми мог бы руководствоваться правоприменительный орган для определения справедливой меры уголовно-правового воздействия; 2) соответствующей (оптимальной) законодательной дифференциации указанных инструментов, их надлежащего урегулирования и организации»».

Следует положительно оценить возможности эмпирического метода исследования, связанного с изучением материалов судебной практики. В частности, делаются авторские выводы на основании анализа практики Конституционного Суда Российской Федерации.

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема дифференциация уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну сложна и неоднозначна. От решения данной тематики зависит охрана прав граждан, в том числе в аспекте охраны семейной тайны. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну в современном российском уголовном праве приобретает особую остроту в условиях цифровизации общества и государства, роста числа нарушений конфиденциальности, что требует глубокого анализа существующих подходов и выработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию законодательства. Актуальность уголовно-правовых исследований в данной области обусловлена рядом обстоятельств, среди которых особое значение приобретают следующие».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«необходимо обратить внимание на важность последовательной и полной реализации принципа дифференциации уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну. При том такая дифференциация должна основываться не только на типовых характере и степени общественной опасности соответствующих деяний, но и учитывать различия в охраняемых сведениях, осуществляемых противоправных действиях, наступающих последствиях, предусмотренных санкциями уголовно-правовых норм наказаниях».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«При этом значимыми результатами и выводами проведенного исследования являются: 1) необходимость введения дополнительной ответственности за нарушение персональных данных и формирования самостоятельных составов преступлений для разных видов охраняемых тайн; изменения санкций за отдельные случаи разглашения конфиденциальной информации, например, усиленная защита семейной тайны».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности. Таким образом, материалы статьи могут иметь определенный интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с дифференциацией уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели работы, указав на конкретные направления совершенствования института уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует средне оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Арзамасцев М.В., Воронин В.Н., Дююнов В.К., Кондратюк С.В., Жук М.С., Goode S. Smith, Rhona K.M. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области уголовного права.

Однако все источники опубликованы более чем 5 лет назад. Автору следует актуализировать библиографию.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, но не обладают признаком достаточности, е способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Вопрос об апелляции к оппонентам будет разрешен после актуализации списка литературы.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным вопросам, но только после актуализации библиографии.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую отправить на доработку»

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования выступает механизм дифференциации уголовной ответственности за преступления против личной и семейной тайны в российском уголовном праве. Автор рассматривает теоретические основы дифференциации, анализирует действующее законодательство и предлагает пути совершенствования уголовно-правовых норм, направленных на защиту конфиденциальной информации о частной жизни граждан.

Методология исследования

Методологическая база исследования представляется достаточно обоснованной. Автор использует комплексный подход, включающий:

формально-логические приемы анализа и синтеза

методы классификации и ограничения понятий

элементы компаративного анализа зарубежного законодательства

системный анализ уголовно-правовых норм

Особо следует отметить корректное применение логических операций деления и расчленения при построении теоретической модели дифференциации. Автор обоснованно разграничивает эти логические приемы и показывает их специфику в контексте юридической техники.

Актуальность

Актуальность исследования не вызывает сомнений. Автор убедительно обосновывает необходимость изучения данной проблематики через призму современных вызовов:

интенсивная цифровизация общества и связанные с ней новые угрозы приватности
недостаточная дифференциация в действующем уголовном законодательстве
необходимость адаптации правовых механизмов к изменяющимся социальным реалиям
Временной контекст исследования выбран удачно – период масштабной цифровизации действительно требует переосмысления подходов к защите персональных данных и частной жизни.

Научная новизна

Научная новизна работы проявляется в нескольких аспектах:

Теоретический вклад: автор предлагает оригинальную концепцию дифференциации, основанную на отношениях "часть-целое", что отличает его подход от традиционных родо-видовых классификаций.

Практические предложения: конкретные рекомендации по совершенствованию статей 137 и 155 УК РФ, включая предложения о разделении ответственности за собирание и распространение конфиденциальной информации.

Компаративный анализ: исследование опыта стран СНГ (Казахстан, Грузия, Кыргызстан) в сфере защиты персональных данных и его возможной имплементации в российском праве.

Вместе с тем, некоторые выводы автора требуют дополнительной аргументации, особенно касающиеся необходимости усиления ответственности за разглашение тайны усыновления.

Стиль, структура, содержание

Стиль изложения в целом соответствует научному жанру, однако местами избыточно усложнен. Некоторые предложения содержат излишне громоздкие конструкции, что затрудняет восприятие материала.

Структура работы логична и последовательна. Автор движется от общих теоретических положений к конкретным предложениям по совершенствованию законодательства. Однако переходы между отдельными разделами могли бы быть более плавными.

Содержательные замечания:

глубокая проработка понятийного аппарата дифференциации
обоснованная критика действующего законодательства
конструктивные предложения по совершенствованию правового регулирования
Недостатки:

недостаточное внимание к практике правоприменения
ограниченный анализ статистических данных о рассматриваемых преступлениях
некоторые выводы нуждаются в более детальной аргументации

Библиография

Библиографический аппарат насчитывает 18 источников, что представляется

достаточным для статьи подобного объема. Список включает как классические труды по теории уголовного права (В.К. Дуюнов, Т.А. Лесниевски-Костарева, А.В. Шеслер), так и современные исследования специализированного характера.

Положительно следует оценить включение зарубежных источников, что подтверждает компаративный характер исследования. Вместе с тем, библиография могла бы быть расширена за счет включения работ по цифровому праву и защите персональных данных, что усилило бы аргументацию автора.

Апелляция к оппонентам

Автор демонстрирует знание различных научных позиций по исследуемой проблематике. Особенно удачно представлена дискуссия относительно оснований дифференциации уголовной ответственности, где автор полемизирует с позицией Т.А. Лесниевски-Костаревой.

Включение в анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ свидетельствует о комплексном подходе к исследованию. Однако автор мог бы более активно вступать в научную дискуссию, формулируя собственную аргументированную позицию по спорным вопросам.

Выводы и интерес для читательской аудитории

Основные выводы исследования можно оценить как обоснованные и практически значимые:

Предложение о введении специальной ответственности за нарушения в сфере персональных данных отвечает современным потребностям правового регулирования.

Идея разделения ответственности за сбор и распространение конфиденциальной информации представляется логичной и соответствующей принципам дифференциации.

Критика существующего подхода к санкциям за разглашение тайны усыновления заслуживает внимания законодателя.

Предложения по заимствованию опыта стран СНГ обоснованы и могут быть использованы в законотворческой деятельности.

Читательская аудитория: работа будет интересна научным работникам, специализирующимся в области уголовного права, студентам юридических вузов, практикующим юристам, а также законодателям при разработке изменений в уголовное законодательство.

Общая оценка

Рецензируемая статья представляет собой качественное научное исследование актуальной проблемы современного уголовного права. Автор демонстрирует глубокое знание теоретических основ дифференциации уголовной ответственности и умение применять их к конкретной сфере правового регулирования.